

ПРОБЛЕМА ГЕНИАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Аннотация: *Гениальность как проблема философской антропологии рассматривается, во-первых, как высшее, предельное состояние человеческого духа и, во-вторых, как феномен духовной культуры. Выделяются три типа ума, из которых созидательно-творческий ум гениального человека являет себя в свойствах парадоксальности, универсальности и вневременности. Особость природы человека в её отличии от всех иных живых существ заключается отнюдь не в разуме в его исключительной изолированности, а определяется духом (человеческим гением) бытие которого являет себя в эманациях ума, сознания и творческой деятельности человека в их неразрывной целостности. Доказывается, что человеческий гений и есть то «самое само», с чего начинается человек, запускается человеческая история, разворачивается становление духовной культуры. В свою очередь, гениальность, как главный источник и питательная среда духовной культуры, во всех её известных формах (религия, искусство, философия, наука, образование), есть одновременно и порождение культуры.*

Ключевые слова: *философская антропология, гений, гениальность, утилитарно-практический ум, позитивно-изобретательный ум, созидательно-творческий ум, сознание, творческая деятельность, созерцание идей, духовная культура.*

Гениальность как проблема философской антропологии рассматривается нами как необходимая составляющая в постижении природы и сущности человека. С этих позиций следует рассматривать гениальность, по меньшей мере, в двух её умопостижимых проявлениях: во-первых, как высшее, предельное состояние человеческого духа и, во-вторых, как феномен духовной культуры. В свою очередь, гениальный человек рассматривается в настоящем исследовании как открыватель смыслов, возделыватель ценностей и созидатель универсалий всечеловеческой духовной культуры. Раскрыть проблему гениальности со стороны первого из названных проявлений — это значит рассмотреть проявления ума, сознания, творческой деятельности человека в их предельной, высшей эманации.

Вначале о человеческом уме. Выделим три типа ума, — ум утилитарно-практический, ум позитивно-изобретательный, ум созидательно-творческий, — соответствующих трем типам человеческих дарований: *прилежанию, таланту и гению*¹.

¹ Указанные типы дарований были выделены Иммануилом Кантом.

Ум утилитарно-практический позволяет его носителю приспособляться к окружающим вещам и явлениям для удовлетворения собственных актуальных потребностей. Такой ум направлен на решение достаточно простых и стандартных задач, обеспечивающих существование человека в природной и социальной среде. С решением таких задач, как правило, справляется любой человек. Главная особенность этого типа ума — репродуктивность.

Ум позитивно-изобретательный позволяет его носителю приспособлять вещи и явления для удовлетворения как собственных потребностей носителя, так и тех же потребностей множества других людей. Такой ум позволяет его носителю ставить и реализовывать цели достаточно широко развёрнутые в жизненном пространстве и во времени. В отличие от первого типа, позитивно-изобретательский ум, способен к индуктивным и дедуктивным выводам высокого уровня, благодаря которым добываются истины позитивной науки и создаются продукты индустриально-технической цивилизации. Главная особенность этого типа ума — продук-

тивность, а высший уровень его развития мы находим у *талантливых людей*.

Однако, оба названных типа ума сходны в своей направленности, исходящей из соображений пользы и выгоды, как в настоящем времени, так и в обозримом будущем.

Ум созидательно-творческий (ἡρως ποιητικός) открывает в своих мыслеобразах смыслы и ценности, постигает иные духовные миры, создает универсалии духовной культуры. Направленность такого ума не исходит из соображений пользы и выгоды. Созидательно-творческий ум не может быть ни вульгарным, ни практичным, ни расчленяющим, это ум простой, наивный, синтетический. Это ум духовно-деятельный — художественный, поэтический, созерцательный, отражающий не только первоосновы бытия, но и умеющий *прозревать в самом видимом невидимое высшее духовное начало*. Продукты созидательно-творческого ума хотят найти свою завершенность в *благом, прекрасном, возвышенном, совершенном*¹. Такой тип ума — это ум гениального человека с атрибутами парадоксальности, универсальности, вневременности.

Парадоксальность гениального ума. *Cognitio intuitiva*² — это высший уровень, достижимый предел позитивно-изобретательного ума, это *iquava ratio*, следующий во всём необходимости. Напротив, созидательно-творческий ум заставляет гениального человека не подчиняться необходимости и не страшиться парадоксов, парадоксов, которые просто ужасают обыкновенных людей и надолго обескураживают людей талантливых. Для парадок-

сального гениального ума закон противоречия не является законом как таковым. Напротив, гений способен видеть законы там, где талант склонен видеть лишь возможность критики и установления противоречий. Гений обладает тотальной интуицией, озарения которой в дым разрушают незыблемые, казалось бы, логичные и стройные построения, прочно укоренённые в умах множества других людей. Одним из примеров продукта гениального ума может служить современная квантовая теория, которая сама построена на парадоксах, каждый из которых вызывает многочисленные споры и неоднозначные интерпретации, не говоря уже о неоднозначном отношении к этой теории в широких научных кругах.

Состояние гениальности предполагает принципиальное, качественное изменение форм мышления и созерцания у различных субъектов познания: от логического мышления, базирующегося на законе противоречия и принципе тождества, которым в той или иной степени обладают все люди — к универсальному и парадоксальному мышлению гения; или, говоря иначе, от восприятия и познания вещей и явлений — к созерцанию мира идей. Так, например, критичность мышления учёного, отталкивающаяся от установленных и/или сформулированных в научном исследовании противоречий, или когда «критика источников становится принципом всякого исторического исследования»³, не имеет ничего общего с парадоксальными умозаключениями и вневременными мыслеобразами гения, смело выстраивающим принципиально новые (оригинальные) гипотезы, не опирающиеся на аксиоматические построения и позитивные «истины», накопленные в соответствующих направлениях позитивной науки.

Итак. Логические, объективированные, рационально-определённые построения утилитарно-практического ума обыкновенного человека и позитивно-изобретательного ума талантливого человека качественно отличаются от парадоксального ума человека гениального, основанного на созерцании мира идей. Важно, что, *созерцая идею*, гений присваивает ей имя — раскрывает, определяет, именует идею и тем самым становится напрямую причастен к «становлению смыслового содержания духов-

¹ История человеческого гения изобилует примерами стремления гениальных людей к доведению своих творений до совершенства. Известно, что Исаак Ньютон, десятки раз переписывал целые абзацы своих «Математических начал...» до тех пор, пока они его полностью не удовлетворяли. Оноре де Бальзак без усталости правил свои корректуры, и тратил на это львиную долю своих жизненных сил и чуть ли не половину всех своих гонораров. Лев Толстой много раз переписывал свои романы «Анна Каренина» и «Война и мир» несколько не считаясь с затраченным на это временем. «Человек возвышенного ума,— писал по этому поводу Стендаль,— не доверяет своим открытиям; он часто о них размышляет. В вещах, от которых зависит его счастье, он все время спорит с самим собой». Как же это непохоже на быстро-эффективное творчество талантов, добивающихся немедленных результатов.

² *Cognitio intuitiva*, лат.— познавательная интуиция.

³ Шелер М. Проблемы социологии знания. М., 2011. С. 122.

ной культуры»¹. Скажем иначе. Гений создает «метафизическую мудрость»², формируя тем самым ценности духовной культуры.

Универсальность гениального ума. Известное утверждение Иммануила Канта: «Гений — это талант (дар природы), который дает искусству правила»³, облетела многие труды других авторов, посвященные проблеме гениальности. Это глубочайшее по своему смыслу утверждение послужило для последующих исследователей не только источником интереснейших интуиций, но, истолковываемое порой прямолинейно и превратно, оно явилось также и причиной многих заблуждений. На этом последнем мы не будем останавливаться подробно, а только лишь зафиксируем, что этими словами Кант впервые, пожалуй, застолбил представление об *универсальной природе* гения. Теория Канта «о гении», которую он представил в своем труде «Критика способности суждения» (1790) разворачивается в связи с его учением об искусстве и субъекте художественного творчества (художнике). «Для Канта, — пишет В. Ф. Асмус, — «гений» — вовсе не степень умственной и познавательной одаренности⁴, а только особый, *специфический тип* творческой одаренности в искусстве. «Гений» Канта — не то, что возвышает одних людей над другими, а то, что отличает один вид духовной организации от другой, ничуть не менее ценной. <...> «Гений» в смысле Канта есть лишь образцовая оригинальность в создании художественных произведений»⁵. По Канту, главным качеством гениальной личности является ее оригинальность, а творения гения могут, должны и действительно служат примером, образцом, правилом для подражания для всех его, гения, последователей в искусстве. Причем гений сам не может ни объяснить, как именно он приходит к названному правилу, ни передать это правило как таковое другим в виде готового знания, как это делается, например, в науке. Тем самым, по мнению Канта, можно говорить лишь о гении в искусстве, но не в науке.

¹ Там же. С. 14.

² Там же.

³ Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч.: В 6-ти т. М., 1966. Т. 5. С. 322.

⁴ Таковым «гений» становится уже у немецких романтиков и у Шопенгауэра.

⁵ Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М., 2005. С. 411.

Фридрих Шеллинг в своем труде «Система трансцендентального идеализма» рассматривает проблему человеческого гения в её связи с вопросами художественного творчества, которое, как считает автор, «всегда исходит из чувства бесконечного противоречия» и которое по принципу своему является «абсолютно свободным». Так же и «художник творит... под воздействием противоречия, но такого, которое заключено в глубине его собственной природы»⁶. Шеллинг выдвигает некий критерий творческого акта, в ходе которого, гениальный человек *уловляет бесконечное в конечном и создает конечное в бесконечном*, что недоступно людям, не обладающим гением. Эту идею, но в ещё более развернутой форме, Шеллинг формулирует в своей «Философии искусства», где «облечение конечного в бесконечное» он называет «искусством в искусстве». Причем, если «облекающее бесконечное в конечное, выражается в произведении искусства преимущественно как возвышенное», то второе, «облекающее конечное в бесконечное, — как прекрасное»⁷. Следовательно, создание возвышенного и прекрасного в искусстве и есть собственно творение гения. В этом же труде мы находим еще одну важную идею. По Шеллингу, проявление гения (genius) в человеке есть ни что иное как «обитающее в человеке божественное», — «образчик абсолютности бога»⁸ в человеке. А. Ф. Лосев, резюмируя мысли Шеллинга о гениальности, пишет: «Гений творит при помощи механической природы и ее законов, но в то же время он творит высшую волю, являясь проводником рока и судьбы. В нем все сознательно и бессознательно, и причинно и целесообразно, и конечно и бесконечно»⁹.

С точки зрения Артура Шопенгауэра, гениальность есть ни что иное, как *универсальная способность отдельных людей к познанию «платоновых идей»*. И именно поэтому гениальными он называет такие произведения, которые «непосредственно исходят из созерцания и на созерцание рассчитаны». Представление о гении складывается у Шопенгауэра в доста-

⁶ Шеллинг Ф. В. Й. Соч.: В 2-х т. М., 1987. Т. 1. С. 478–479.

⁷ Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства. М., 1966. 496 с. С. 163.

⁸ Там же. С. 162.

⁹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 2000. С. 761–762.

точно завершённую концепцию гениальности¹, из которой можно выделить следующие основные положения. Первое. Гениальность по Шопенгауэру всегда состоит в огромном излишке интеллекта и если обычный человек с той или иной степенью успешности познает лишь взаимные отношения вещей, то гениальный человек охватывает своим сознанием общие начала бытия и становится, таким образом, способным к познанию сущности вещей. Второе. Благодаря созерцательному характеру своего познания, только гений способен к конкретному, целостному, объемному познанию мира, тогда как познание талантливых людей осуществляется лишь на более низком уровне — в виде понятий, которые не дают ничего большего, чем малосодержательные абстракции, мало соответствующие реальности «платоновых идей», к созерцанию которых способны одни лишь гениальные люди. Третье. Те проблемы, которые интересуют гения и являются предметом его познания, с точки зрения всех остальных людей, современных гению, чаще предельно непонятны или совершенно неинтересны этим людям. И поэтому задачи, решаемые гением, могут объявляться в лучшем случае малозначимыми и неактуальными, а в худшем — даже вредными. И, наконец, четвертое. Выдающиеся, гениальные люди стремятся к познанию и воспроизведению высших истин, и, благодаря этому, они менее всего заботятся о собственной пользе, напротив, их усилия направлены не на получение личной выгоды, а на создание общезначимых, общечеловеческих ценностей — ценностей, формирующих в конечном итоге духовную культуру человеческого рода.

Если теперь попытаться очень кратко сравнить представленные здесь философы Канта, Шеллинга и Шопенгауэра, имеющие целью раскрыть *универсальную природу человеческого гения*, то мы без особого труда увидим, что гений у Канта — это даже не существо ещё, это схема, в лучшем случае — модель, где нет пока ни крови, ни сердца, ни жизни. Но, несмотря на схематичность и противоречивость² учения Канта о «гении», именно благодаря Канту про-

блема «гения» вновь становится актуальной и получает свое дальнейшее развитие вначале в философских, а впоследствии и в психологических исследованиях. У Шеллинга гений приобретает уже иные очертания, здесь мы видим уже трансцендентную картину гениальности. Но только в философии Артура Шопенгауэра мы видим в гении то, что собственно нам и хотелось бы увидеть, мы видим здесь уже *человека как «интерпретацию абсолютной самости»*³, — *гениального человека*, в полной мере являющего свою гениальную личность. В философии Шопенгауэра гений оживает, мы начинаем, наконец, видеть и понимать его, вживаться в его чувства и сопереживать ему. Шопенгауэр выводит истоки гениальности из рефлексии о самом человеке и, таким образом, не ограничивает анализ гениальности лишь предметными границами психологии, а впервые поднимает проблему гениальности уже на уровень философско-антропологической рефлексии.

Результат мыслетворчества гениального человека напоминают нам «результат философствования», выделенный К. Ясперсом. Исходя из этого, можно сказать, что результатом гениального ума является «... не окончательное познание, которое теперь мы можем высказать, а скорее, мыслительный процесс (Denkvollzug), в котором преобразуется всё наше сознание и тот способ, каким нам дано в присутствии бытия»⁴. По-видимому, склонность к философствованию является одной из отличительных особенностей гениального человека. Если мы говорим, что ум гения универсален, то, следовательно, для него не существует ни препятствий, ни ограничений, которые накладывает на человека какая-либо определенная сфера деятельности. «В гениальности нет ничего специального, — пишет Н. А. Бердяев, — она всегда есть универсальное восприятие вещей, универсальный порыв к иному бытию. <...> Гениальность есть особая напряженность целостного духа человека, а не специальный дар»⁵. Ум гения вмещает в себя целый мир, и этот мир во всем его многообразии, отраженный и переработанный в сознании гения, не может не вырваться

¹ Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 1. М., 2000. С. 164–177; Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 5. М., 2000. С. 57–71.

² Противоречивость учения Канта «о гении» отмечал в частности В. Ф. Асмус (Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М., 2005. С. 413–416).

³ Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое само. СПб: Изд-во Олега Абышко, 2008. С. 247.

⁴ Ясперс К. Разум и экзистенция. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 120.

⁵ Бердяев Н. А. Смысл творчества. М., 2007. С. 180.

наружу. Универсальная природа гениального ума находит свое выражение в творчестве гениального человека, который действует и всецело проявляет себя в творческом акте как художник, как мыслитель и как творец в одном лице¹. И тогда мы становимся свидетелями *гениальных творений*.

Вневременность гениального ума. Обладать гениальностью и быть гением, есть не что иное, как способность проявить себя в различных и многообразных видах творчества. Но главное здесь не в особом направлении творчества, как мы видим это в деятельности талантов, а в том, что деятельность гения направлена на *решение вечных вопросов бытия и сама жизнь его тем самым выходит за пределы времени и приобретает характер вневременности*. Отто Вейнингер не сомневается в том, что всю *духовную историю человечества* (но, конечно, не историю войн) можно объяснить из «факта появления гения, с помощью тех толчков, которыми он двигал вперед прогресс человечества». Гений, по Вейнингеру, — это тот «вневременный человек — ... который создает историю»². Согласно Вейнингеру «о вневременности гения» следует говорить в следующих трех смыслах: 1) свойственная гению «универсальная апперцепция», благодаря которой он придает всем своим переживаниям «значение ценности», лишает эти переживания «характера чего-то временного, преходящего»; 2) появление гения не является, как это принято думать, продуктом определенной эпохи — «его появление в определенную эпоху не может быть объяснено характером этой эпохи». Скорее наоборот, именно гений определяет не только направленность и характер, но значение в истории человечества той эпохи, которая отмечена печатью его творчества; 3) «произведения творчества гения живут вечно», и они «не связаны ни в каком отношении со временем, ни с тем временем, которое совпадает с его существованием, ни с тем, которое предшествовало или следует за этим временем»³.

Мыслетворчество гениальных людей не востребовано временем их жизни. Значимость

творчества таких людей в полной мере осознается лишь их потомками, более того, именно потомки (а не современники), иногда через столетия, становятся продолжателями гениальных идей. Вместе с тем, продукты творчества гениев навечно вписываются в анналы духовных достижений и вечно-значимых ценностей всечеловеческой духовной культуры. Таким образом, ум гения действует *sub specie aeternitatis*⁴.

Если утилитарно-практический ум обыкновенного человека опирается на мнения, стереотипы, догматы, суеверия, а ум таланта — на обобщения эмпирического опыта, добытые в естественных жизненных экспериментах и в позитивной науке, то ум гения опирается на ценности, идеалы, принципы. Более того, он сам создает ценности, формирует культ идеалов, выявляет первоосновы бытия и сознания. Причем, не занимаясь всем этим непосредственно, даже зачастую не размышляя именно в этом контексте, гений создает исключительно такие *продукты духа*, которые становятся достоянием всех других людей. Если первые два типа ума в совершенстве обеспечивают актуальное бытие природно-социального индивида, то созидательно-творческий ум, направленный на постижение идей и сущности вещей, обеспечивает *духовную жизнь личности в её высочайших проявлениях*, недоступных первым двум типам ума.

Духовная жизнь личности определяется: 1) волей и целеполаганием; 2) характером и системой духовно-нравственных ценностей; 3) направленностью и типом ума; 4) системой врожденных способностей, высшей степенью проявления которых является одарённость, талант; 5) творческим даром и назначением. *Творческий дар и назначение, как трансцендентный феномен, и есть то «самое само»⁵, что отличает личность гениального человека от личности человека обыкновенного.* Именно эти два и раскрывают тайну гениальности.

Творческий дар это не есть то же самое, что система способностей, хорошо изученных в психологии. Творческий дар, назначенный гению —

⁴ *Sub specie aeternitatis*, лат. — с точки зрения вечности.

⁵ Здесь мы используем оригинальный термин «самое само», предложенный А. Ф. Лосевым, который раскрывает его следующим образом: «... самое само вещи... есть прежде всего индивидуальность вещи, её абсолютная новость и неповторимость» (Лосев А. Ф. *Вещь и имя. Самое само*. СПб: Изд-во Олега Абышко, 2008. С. 246).

¹ См. подр. в нашей статье: Чернов С. В. Гений как художник, как мыслитель, как творец // Психология и психотехника. 2011. № 1 (28). С. 34–44.

² Вейнингер О. *Пол и характер*. М., 1997. С. 131.

³ Там же. С. 105–167.

это отнюдь не одаренность таланта, дающая его обладателю лишь дивиденды, которых последний, как правило, добивается достаточно легко и свободно. В случае же с гениальным человеком творческий дар — это огромная, невероятно тяжелая и предельно ответственная ноша, которая составляет все, что ни есть самое ценное, для гения и от которой он просто не может отказаться иначе, как только лишь уничтожив свой гений. Но гений, утерявший или растративший по тем или иным причинам свой творческий дар, теряет при этом всякий смысл бытия. В полной мере развившийся гений в смысле осознания *назначения своего* совершенно *самодостаточен*. Для того, чтобы творить, ему не нужны внешние стимулы. Внутренний стержень, имеющий огромную, не подвластную даже для самого гения, силу, просто не позволит ему сойти с этого пути. Гений знает об инобытии из бытия, а о бытии — из инобытия, что принципиально невозможно даже для самых выдающихся талантов. Гений уже знает *всё*, еще не зная *ничего*; в его сознании нет расчлененности, — его знание и вера целокупны — он верит, не имея никаких оснований для веры, и он знает, не имея никаких оснований для знания, — тех оснований, которые просто необходимы всем остальным людям. Поэтому гений, не зная еще доказательства вещей, знает между тем сами вещи в их смысловой явленности. В этом собственно и состоит *творческий дар гения*.

В свою очередь, *назначение* — это трансцендентный феномен, связанный с обнаружением, осознанием и принятием изначально заданного предназначения личности. Назначение не следует понимать ни натуралистически, ни механистически, как мы вообще склонны понимать мир из причинно-следственных отношений, которые поставляет нам непрерывная работа нашего *ratio*. В основе назначения лежит *откровение*, которое дается всем и каждому и не однажды, однако далеко не каждый способен распознать и принять его. Созданный предельно свободным, человек вправе проявить «волю к гениальности» — принять назначение свое, либо его отвергнуть. «Воля к гениальности, — говорит нам Бердяев, — есть лишь обнаружение через свободу данного свыше дара»¹. Творческий дар вкупе с назначением, осознанные человеком в предельно персонифицированном откровении,

и есть собственно *призвание* человека к творчеству, — это зов, исходящий человеку от Бога. Творческий дар и назначение в их целостном единстве, осознанности и безусловной включенности в творческую деятельность человека и есть *духовный фатум гениальности* и, соответственно, обнаружение, осознание и принятие человеком творческого дара и назначения своего и есть собственно проявление, *эманация гениальности*.

Творческий дар и назначение гениального человека раскрываются и являют нам *гениальную личность* только в *творческом акте*. Началом творческого акта, равно как и продуктом творческой деятельности является *творческая идея*. Рождение творческой идеи обеспечивается своеобразным резонансом и индукцией человеческой мысли: одна мысль порождает другую, даже если они не только не имеют прямого сходства, но могут даже противоречить друг другу. «В мире, — пишет В. Франкл, — проявляется нечто подобное закону сохранения духовной энергии. Ни одна великая мысль не может пропасть, даже если она так и не дошла до людей, даже если она была «унесена в могилу»»². Можно выделить следующие *признаки творческой идеи*:

- творческая идея питается соками любых других идей;
- творческая идея имеет качественное своеобразие в сравнении с другими идеями, касающимися соответствующего предмета;
- творческая идея относительно одного какого-либо предмета, вполне может оказаться продуктивной относительно иных предметов не связанных напрямую с первым предметом;
- творческая идея уже сама по себе является не просто результатом мыслительного процесса, но уже продуктом творческой деятельности;
- реализация творческой идеи имеет необходимый, обязательный, тотальный характер;
- творческая идея сама по себе является важнейшим, а зачастую единственным стимулом реализации самой себя.

Таким образом, *творческой* мы будем называть такую *идею*, которая имеет признаки *абсолютной новизны* и *самой-себя-реализации*. Для реализации творческой идеи нет нужды

¹ Бердяев Н. А. Смысл творчества. М., 2007. С. 183.

² Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 163.

в иных стимулах, кроме как рождения и жизни самой этой идеи. Реализация творческой идеи имеет тотальный характер — она обязательно и необходимо будет реализована.

Творческая деятельность гениального человека связана с тем, что он: *продуцирует*, воспроизводит и разрабатывает *универсальные творческие идеи*, ещё не известные человечеству, но имеющие значение для будущего и которые впоследствии станут важнейшей составляющей духовной культуры; *устанавливает* новые, ещё неизвестные человечеству *связи между явлениями* и открывает новые, ещё неизвестные людям законы; *осмысливает*, продумывает и производит нечто такое, что ещё не имеет аналогов в истории всечеловеческой духовной культуры или качественным образом отличается от всех уже существующих образцов, а это нечто, в свою очередь, становится основой для создания многочисленных копий и аналогов, а также служит источником для многих усовершенствований и модификаций; *направляет* свои творческие усилия не на переделку мира, как это делают социальные, экономические и иные реформаторы, а на *создание новых духовных миров*, и *способствует* тем самым духовному преобразению других людей. И еще одно. Мы видим вещь в ее целостности лишь потому, что эта вещь имеет свое имя. Гений обнаруживает новые вещи, о которых еще никто не знает и присваивает им имена, и только тогда мы узнаем о существовании вещей, обнаруженных гением. *Гений творит новые духовные ценности, которые со временем приобретают силу идеалов.*

Становление гениальности разворачивается, с одной стороны, в творческом акте, уносящем человека за пределы воспринимаемой и познаваемой (отражённой в сознании) реальности — к трансцендентным первоосновам бытия, дающим творящему человеку ни с чем несравнимое наслаждение (праздник духа); с другой стороны, становление гениальности разворачивается как личная драма (духовная трагедия) гениального человека, проистекающая из невозможности достижения искомого совершенства в личной творческой деятельности. Ярким примером последнего может служить творческий путь и трагическая судьба Николая Васильевича Гоголя.

Рассмотрим теперь вторую составляющую гениальности из выделенной выше триады ума,

сознания и творческой деятельности гениального человека. С точки зрения Отто Вейнингера, гений — это человек, у которого *отношение ко всем вещам достигает абсолютной ясности и интенсивности сознания* и поэтому он «совершенно самостоятельно мыслит обо всем», имеет ко всему отношение и мало с чем не связан своим естеством. Гениальный человек живет в активно-сознательной связи «с миром, как целым», «в идеале» он «вмещает в себе духовную сущность всех людей», «его чувствительность является наиболее утонченной», а мера гениальности «определяется не столько чувственной, сколько духовной восприимчивостью к различиям». Понимание гением вещей «обладает особенной глубиной», поскольку «он может каждый предмет сравнить с самыми разнообразными вещами и провести между ними соответствующее различие». Сознание гения «обладает сильнейшей яркостью и наиболее отчетливой ясностью»¹.

Природа гения определяется не только всеобщностью «духовной сущности человека», но и всеобщностью «естественно природного начала». Гений — это «человек, стоящий в самых близких интимных отношениях к вещам», от чьего внимания ничто не ускользает. Это человек, который «в состоянии все понять» и понимание которого «обладает особенной глубиной уже потому, что он может каждый предмет сравнить с самыми разнообразными вещами и провести между ними соответствующее различие». И отсюда Вейninger делает вывод, что «чувствительность» гения «является наиболее утонченной». Но это не та чувствительность, под которой понимают «чрезвычайно утонченное развитие сферы чувственных ощущений», как это имеет место, например, при «утонченности слуховых органов у композитора» или «остроте зрительного восприятия у живописца». «Мера гениальности,— говорит Вейninger,— определяется не столько чувственной, сколько духовной восприимчивостью к различиям», которая «направлена преимущественно внутрь» и в связи с чем «гениальное сознание... обладает сильнейшей яркостью и наиболее отчетливой ясностью». Таким образом «гениальность идентична более общей, а потому и *высшей сознательности*», такой «интенсивной сознательности», которая «достигается путем неизмеримого количества противоположностей, которые вмещает в себя

¹ Вейninger О. Пол и характер. М., 1997. С. 105–106.

выдающийся человек». Сущность гениальности Отто Вейнингера видит в «универсальной апперцепции» — в таком свойстве гениального человека, которое другими словами можно определить как ответственное и вполне осознанное видение, «необъятное у гения» и позволяющее ему видеть, запоминать, перерабатывать и *синтезировать* в своем сознании много больше того, чем это доступно обыкновенному человеку. «У негениального человека мало таких моментов, которые из пестрого разнообразия соединились бы в нечто замкнутое, непрерывное, течение его жизни подобно ручейку. Жизнь гения — это могучий поток, в котором стекаются самые далекие воды, который с помощью универсальной апперцепции принимает в себя все отдельные моменты, не выбрасывая наружу ни одного»¹.

Гениальный во всех отношениях человек уловляет *бесконечное в конечном и создает конечное в бесконечном*, а гениальность проявляется лишь там, где идея целого предшествует возникновению частей, и, таким образом, его внимание не останавливается лишь на явлениях, он способен доходить до самой сущности вещей. Произведения творческой деятельности гения живут вечно. Та мера осознанности явлений, тот уровень проникновения гения в их сущность, та глубина постижения решаемой им проблемы еще долго могут оставаться недоступными для понимания и принятия этого другими людьми, и тогда общество отвергает гения и его творения. И чем сильнее этот отпор, чем острее это неприятие — тем с большей, следовательно, непостижимой до поры глубиной сталкивается здесь обыденное сознание. *Жизнь гения — это предельно осознанное бытие*, а его путь — *это духовное преображение*, — непрерывное и непрекращающееся становление духа. Напрашивается вывод: появление гения не является, как это принято думать, продуктом определенной эпохи, скорее наоборот, именно гений определяет не только направленность и характер, но значение в истории человечества той эпохи, которая отмечена печатью его творчества.

В связи с этим последним выводом возникает закономерный вопрос: на каком этапе человеческой истории мы можем уже обнаружить явление (феномен) гениальности? Ведь от ответа

на этот вопрос зависит и ответ на вопрос о природе человека. Обратимся в этой связи к проблеме антропогенеза, вернее к одной из концепций антропогенеза, предложенной и теоретически обоснованной выдающимся российским (советским) исследователем Б. Ф. Поршневым, который выдвинул совершенно оригинальное представление «о начале человеческой истории»².

Начало человеческой истории Б. Ф. Поршневым связывает с преобразованием стадных отношений в среде реликтовых предков человека — палеоантропов (безусловно являющихся животными) в социальные отношения, возникшие на фоне дивергенции из среды этих животных особей собственно нового биологического вида — неантропов, представителей которого следует уже называть *человеческими индивидами*. Неантропы (собственно уже люди) по сравнению с палеоантропами (животными) обладают особым свойством — свойством *суггестивности*. По Поршневу, именно суггестивность и явилась той базовой основой, следствием которой и было собственно появление на земле среди множества животных особей совершенно уникальных живых существ — человеческих индивидов, взаимоотношения которых принципиально отличались от стадных и начали приобретать черты социального взаимодействия. Новая форма внутривидовых взаимоотношений неантропов, — *социальная*, — требовала формирования и новых способов осуществления внутривидовых коммуникаций, обеспечивающих не только обмен информацией, что имеет место в среде животных видов, но и «особый род влияния одного индивида на действия другого»³, т. е. функцию влияния, входящую в функциональную структуру человеческой речи.

Рассмотрим событие дивергенции неантропов из среды палеоантропов на трех возможных уровнях: на морфологическом, на функциональном и на метафизическом.

На *морфологическом уровне* обнаруживается явление цефализации, которая проявляется у неантропов в развитии префронтальных отделов лобной доли коры головного мозга и приводит к возникновению у них второй сигнальной системы. Суггестивный блок работы центральной нервной системы человека производит важнейшую функцию: осуществляет «замену

² Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 2006.

³ Там же. С. 560.

¹ Там же. С. 117–118.

указаний, поступающих с первого блока (сенсорно-афферентного — С.Ч.), или ответов, свойственных второму блоку (эфферентного — С.Ч.), другими, вызываемыми по второй сигнальной системе»¹.

На функциональном уровне «у неантропов происходит преобразование кардинальной важности — переход интердикции (свойственной палеоантропам — С.Ч.) в суггестию»². Другими словами, стадные отношения палеоантропов, основанные на интердикции, обогащаются и вступают в противоречие с социальными отношениями неантропов у которых появляется слово как основной фактор управления поведением. Относительно возникновения речи Б. Ф. Поршнев приходит к следующему выводу: «... у истоков второй сигнальной системы лежит не обмен информацией, т.е. не сообщение чего-либо от одного к другому, а особый род влияния одного индивида на действия другого — особое общение до прибавки к нему функции сообщения»³. Появление неантропов с начатками второй сигнальной системы, которой не было у палеоантропов, знаменует начало социальных отношений. Социальные отношения в среде неантропов, основанные на речевом взаимодействии перволудей и есть по Б. Ф. Поршневу само начало человеческой истории.

С метафизической точки зрения, происходит одухотворение — человеческий дух (гений) укореняется в бытии. Одухотворение есть процесс внеэволюционный, вневременный, внеисторический, но, тем не менее, отмечающий появление на земле нового биологического вида — Homo sapiens и определяющий само становление человека, настоящей сущностью которого является его дух (гений) — трансцендентное (божественное) начало, запускающее человеческую историю и определяющую начало становления духовной культуры. Неудивительно, что об этом внеэволюционном, вневременном, внеисторическом событии мы читаем в Книге бытия: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их. И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; <...> И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят» (Быт 3; 21, 23).

¹ Там же. С. 559.

² Там же.

³ Там же. С. 560.

Таким образом, рождение человека — есть рождение человеческого духа (гения) первым проявлением которого явилось слово. А первые объективированные следы *гениальности первочеловека* мы обнаруживаем уже в самом начале человеческой истории в виде сохранившихся до нашего времени образцов *творческой деятельности древнейших людей* — наскальных рисунков, которые по своей древности отстоят от нас на 10–15 тыс. лет (по другой версии — на 30–40 тыс. лет). «В историю искусства навсегда вошло имя Марселино де Саутуолы, первооткрывателя настенных рисунков в пещере Альтамира, называемой «Сикстинской капеллой первобытного искусства»⁴, которая впервые была исследована в 1875 году. Но только в начале двадцатого века учёные палеоантропологи приняли и осознали тот факт, что «человек каменного века обладал... развитым искусством, свидетельствующим о высокой художественной культуре и талантливости первобытных людей. ... Альтамира доказала, что человеческий гений был свойственен уже охотникам на мамонтов и что, следовательно, он не зависит прямо пропорционально от уровня технической цивилизации»⁴. Интересно, что подобно самым высоким произведениям живописного искусства, наскальные рисунки первобытного человека с трудом поддаются копированию (также как самые выдающиеся произведения высокой живописи). В случае их копирования, пусть даже в приближенных к естественным условиям, эти рисунки уже не дают того эффекта, который может производить на иных людей сам оригинал. А эффект этот просто поразителен. При длительном созерцании наскального рисунка, ты будто бы сам погружаешься в этот древний мир, с его цветами, звуками, запахами, энергиями и будто бы начинаешь чувствовать все то, что чувствовал и сам древний художник. При этом как бы просыпается в нас древняя память и пробуждается наше дремлющее сознание, вернее та его часть, которая живо отвечает на соответствующее воздействие названного изображения, и мы будто бы соприкасаемся с духом самого древнего художника. Понятно, что подобные состояния возникают далеко не у каждого, а лишь у тех, кто обладает тонким, трудно уловимым и трудно объяснимым с рациональных пози-

⁴ Елинек Ян. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1985. С. 277.

ций чувством, которое называем мы чувством прекрасного. Объяснение названного эффекта может быть лишь одно — древний художник вложил в свою картину всю созидательную силу и художественную выразительность своего духа, с которым мы и соприкасаемся сквозь толщу веков и разделяющие нас с древним художником глубины сознания. Исследователи палеолитического искусства приходят к следующему важному выводу: «Хотя расцвет абстрактного искусства приходится на мадлен, тем не менее его элементы были представлены в искусстве на протяжении всего палеолита. Следовательно, даже в своих начальных фазах искусство никогда не было простым копированием натуры»¹, а несло в себе черты символического отражения мира.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод: *человеческий гений* и есть то «самое само», с чего начинается человек, запускается человеческая история, разворачивается становление духовной культуры. Итак, *настоящая сущность человека* отнюдь не разум, как это принято считать со времен Декарта, настоящая сущность человека, отличающая его от всех иных живых существ — это его, человека, дух (*гений*). Причем, гениальность как главный источник и питательная среда культуры, во всех её известных формах (религия, искусство, философия, наука, образование) есть одновременно и порождение культуры. Последнее в частности приводит к тому, что на исторических этапах упадка духовной культуры проявление гениальности становится предельно редким явлением. И, наоборот, в эпохи подъема духовной культуры социально-культурная среда более благоприятна для гениальных людей.

Проведенный здесь анализ проблемы гениальности в контексте философской антропологии, а также исследования этой проблемы, проведенные нами ранее², позволяет теперь раскрыть *понятие гениальности* в достаточно развернутом виде. При этом мы будем использовать систему личностных признаков (атрибутов) ума, сознания, творческой деятельности, т.е. таких атрибутов, которые присущи личности

человека вообще, но которые в единой *системе*, — т.е. в своей целостности, завершенности, внутренней непротиворечивости, — могут быть явлены лишь в *структуре личности гениального человека*. Итак, *homo genius* (человек гениальный), гений — это:

- изначально творческая личность, выразитель творческих идей;
- созидательный деятель, оригинальный мыслитель, художник в широком смысле этого слова;
- обладатель парадоксального, универсального склада ума, стремящийся к благому, прекрасному, совершенному;
- идеемыслящий, способный к созерцанию мира идей, созидатель идеальных миров;
- созидатель смыслов, ценностей и универсалий всечеловеческой духовной культуры, созидатель культа высших идеалов, определяемых вечными духовными ценностями;
- человек в полной мере осознавший свое предназначение, призванный к его исполнению и, безусловно исполняющий его;
- человек способный на поступок, поступок безрассудно-аллогичный или даже «безумный» с точки зрения внешнего наблюдателя, но такой поступок, который обеспечит впоследствии реализацию гения в творческой деятельности гениального человека;
- человек, определяющий первоначала (принципы) явлений и дающий имена вещам;
- человек, направляющий свои творческие усилия не на переделку мира, как это делают социальные, экономические и иные реформаторы, а на создание новых духовных миров, и способствует тем самым духовному преобразению других людей;
- человек в полной мере реализующий смысл человеческого бытия.

Таким образом, в *личности гения* мы имеем выражение *идеала человека*, собственно сущности человека и смысла человеческого бытия. А посему, исследование проблемы гениальности приоткрывает перед нами «загадку человека» и определяет проблему гениальности как одну из важнейших в современной философской антропологии. Скажем иначе, гениальность — есть феномен, определяющий сущность человека и смысл человеческого бытия и потому, не ответив на вопрос, *что есть сущность гения*, мы не сможем дать и ответ на вопрос, *что есть человек*. Философско-антропологическая

¹ Там же. С. 308.

² Чернов С. В. Концептуальные основы исследования человеческого гения // Психология и психотехника. 2010. № 3 (18). С. 45–55; Чернов С. В. О творческом назначении человека // Философия и культура. 2011. № 1 (37). С. 41–49 и др.

рефлексия гениальности как особого, высшего, предельного состояния человеческого духа постоянно раскрывает *духовную сущность человека как существа, способного к чистому созерцанию идей*.

Итак, *сущность гениальности* заключается в реализации личностного творческого дара и трансцендентно заданного назначения человека. Или, очень кратко: *гениальность — это постижение и достижение смысла бытия личности*.

Выводы

1. *Гениальность* как проблема философской антропологии рассматривается в настоящем исследовании, во-первых, как необходимое основание в постижении природы и сущности человека, во-вторых, как высшее, предельное состояние человеческого духа и, в-третьих, как феномен духовной культуры. Гениальность есть такое состояние духа, которое преодолевает дуальность божественного и человеческого, духовного и телесного, сознательного и бессознательного, разумного и интуитивного, умопостигаемого и веропринимаемого. В свою очередь, *гениальный человек* (Homo genius), гений понимается в исследовании как открыватель смыслов и универсальных идей, возделыватель духовных ценностей, созерцатель *чтойности* вещей и соиздатель универсалий духовной культуры.

2. *Особость природы человека* в её отличии от всех иных живых существ заключается отнюдь не в разуме в его исключительной изолированности, а определяется духом (человеческим гением) бытие которого являет себя в эманациях ума, сознания и творческой деятельности человека в их неразрывной целостности. Причем, предельные проявления ума, сознания, творческой деятельности человека находят свою завершенность в личности гениального человека. Следовательно, настоящая сущность человека, отличающая его от всех иных живых существ — это его, человека, дух (гений).

3. *Гениальность как предельное состояние человеческого духа*, как лик человека в предельных эманациях ума, сознания, творческой деятельности предполагает принципиальное, качественное изменение форм мышления и созерцания у различных субъектов познания: от логического мышления, базирующегося на законе противоречия и принципе тождества, которым в той или иной степени обладают все

люди, — к парадоксальному и универсальному мышлению гения; от восприятия и познания вещей и явлений на уровне обыденного сознания — к созерцанию мира идей, на уровне сознания гения, уловляющего бесконечное в конечном и созидающим конечное в бесконечном.

4. Обнаружение, осознание и принятие человеком творческого дара и назначения своего и есть собственно проявление, эманация гениальности.

5. Творческая деятельность гениального человека специфична в том, что он: *продуцирует*, воспроизводит и разрабатывает *универсальные творческие идеи*, ещё не известные человечеству, но которые впоследствии станут важнейшей составляющей человеческой культуры; *устанавливает* новые, ещё неизвестные человечеству *связи между явлениями* и открывает новые, ещё неизвестные людям законы; *осмысливает*, продумывает и производит нечто такое, что ещё не имеет аналогов в истории всечеловеческой духовной культуры или качественным образом отличается от всех уже существующих образцов; *направляет* свои творческие усилия не на переделку мира, как это делают социальные, экономические и иные реформаторы, а на *создание новых духовных миров*, и *способствует* тем самым духовному становлению других людей.

6. Гений создает «метафизическую мудрость», творит новые духовные ценности, которые со временем приобретают силу идеалов, формируя тем самым ценности духовной культуры, оставаясь при этом мало причастным к формированию достижений индустриально-промышленной цивилизации.

7. Человеческий гений и есть то «самое само», с чего начинается человек, запускается человеческая история, разворачивается становление духовной культуры. Появление гения не является продуктом определенной эпохи. Наоборот, именно гений определяет не только направленность и характер, но значение в истории человечества той эпохи, которая отмечена печатью его творчества. Причем, гениальность, как главный источник и питательная среда духовной культуры, во всех её известных формах (религия, искусство, философия, наука, образование), есть одновременно и порождение культуры.

8. *Гениальность* — это постижение и достижение *смысла бытия личности*, а *гениальный человек (гений)* — это человек в полной мере реализующий *смысл человеческого бытия*.

Список литературы:

1. Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М.: Высшая школа, 2005. 439 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 668 с.
3. Вейнингер О. Пол и характер: Принципиальное исследование. М.: Латард, 1997. 357 с.
4. Елинек Ян. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия, 1985. 560 с.
5. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Критика чистого разума. М.: Эксмо; СПб: Мидгард, 2007. С. 899–1070.
6. Кант И. Критика способности суждения // Кант Иммануил. Сочинения в 6-ти томах. М., 1966. Т. 5.
7. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. Харьков Фолио; АСТ, 2000. 960 с.
8. Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое само. СПб: Изд-во Олега Абышко, 2008. 576 с.
9. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). М.: «ФЭРИ-В», 2006. 640 с.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
11. Чернов С. В. Концептуальные основы исследования человеческого гения // Психология и психотехника. 2010. № 3 (18). С. 45–55.
12. Чернов С. В. Гений как художник, как мыслитель, как творец // Психология и психотехника. 2011. № 1 (28). С. 34–44.
13. Чернов С. В. О творческом назначении человека // Философия и культура. 2011. № 1 (37). С. 41–49.
14. Шелер М. Проблемы социологии знания. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. 320 с.
15. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения в 2-х томах. М., 1987. Т. 1.
16. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства. М., 1966. 496 с.
17. Шопенгауэр А. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 1: Мир как воля и представление. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика, 2001. С. 164–177.
18. Шопенгауэр А. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 5: Paralipomena. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика, 2001. С. 57–71.
19. Ясперс К. Разум и экзистенция. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.

References (transliteration):

1. Asmus V. F. Immanuel Kant. M.: Vysshaya shkola, 2005. 439 s.
2. Berdyaev N. A. Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka. M.: AST: AST MOSKVA: KhRANITEL', 2007. 668 s.
3. Veininger O. Pol i kharakter: Printsipial'noe issledovanie. M.: Latard, 1997. 357 s.
4. Elinek Yan. Bol'shoi illyustrirovannyi atlas pervobytnogo cheloveka. Praga: Artiya, 1985. 560 s.
5. Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya // Kritika chistogo razuma. M.: Eksmo; SPb: Midgard, 2007. S. 899–1070.
6. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya // Kant Immanuel. Sochineniya v 7-i tomakh. M., 1966. T. 5.
7. Losev A. F. Istoriya antichnoi estetiki. Pozdnyi ellinizm. Khar'kov Folio; AST, 2000. 960 s.
8. Losev A. F. Veshch' i imya. Samoe samo. SPb: Izd-vo Olega Abyshko, 2008. 576 s.
9. Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoi istorii. (Problemy paleopsikhologii). M.: FERI-V, 2006. 640 s.
10. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla. M.: Progress, 1990. 368 s.
11. Chernov S. V. Kontseptual'nye osnovy issledovaniya chelovecheskogo geniya // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2010. № 3 (18). S. 45–55.
12. Chernov S. V. Genii kak khudozhnik, kak myslitel, kak tvorets // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2011. № 1 (28). S. 34–44.
13. Chernov S. V. O tvorcheskom naznachenii cheloveka // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 1 (37). S. 41–49.
14. Sheler M. Problemy sotsiologii znaniya. M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2011. 320 s.

15. Shelling F.V.I. Sochineniya v dvukh tomakh. M., 1987. T. 1.
16. Shelling F.V.I. Filosofiya iskusstva. M., 1966. 496 s.
17. Shopengauer A. Sobranie sochinenii v 6-ti t. T. 1: Mir kak volya i predstavlenie. M.: TERRA — Knizhnyi klub; Respublika, 2001. S. 164–177.
18. Shopengauer A. Sobranie sochinenii v 6-ti t. T. 5: Paralipomena. M.: TERRA — Knizhnyi klub; Respublika, 2001. S. 57–71.
19. Yaspers K. Razum i ekzistentsiya. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2013. 336 s.